

УДК 321: 947: 378] (571.6)

Мefeldyeva Светлана Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета
тел.: (908) 995-85-51

**К ВОПРОСУ О КАДРОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА РОССИИ НА
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.:
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается целенаправленная, заинтересованная деятельность государственной власти Российской империи на рубеже XIX–XX вв. по созданию на Дальнем Востоке учебного заведения нового типа – Восточного института, проанализированы результаты его деятельности за первое десятилетие. Основой данной публикации послужили архивные материалы, отражающие основные этапы подготовки государственных документов, острую полемику о статусе учебного заведения, его местонахождении, планируемых к изучению курсах, конкретные показатели по количеству и качеству подготовленных кадров востоковедов.

Ключевые слова: государственная политика, Дальний Восток России, Восточный институт, подготовка востоковедов.

Mefodyeva Svetlana Alexandrovna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Political Studies, School of Regional and International Research, Far Eastern Federal University
tel.: (908) 995-85-51

**ON THE PROBLEM OF STAFF PROVIDING
THE POLITICAL COURSE OF RUSSIA
IN THE FAR EAST AT THE TURN OF THE
19th AND 20th CENTURIES: A HISTORICAL
AND POLITICAL ASPECT**

This article considers the purposeful activity of the Russian Empire state power at the milestone of the 19th – 20th centuries aimed at establishing an educational institution of a new type – the Oriental Institute. The results of the institution's activity after ten years of its existence are presented by the author. The research is based on the archival documents reflecting the main stages of the state documents preparation; hot arguments about the educational institution status and location, planned curriculum, exact numbers and quality of trained specialists in oriental studies are touched upon in the article.

Key words: state policy, Far East of Russia, Oriental Institute, orientalist training.

В 1858 г. Россия и Китай подписали Айгунский, а в 1860 г. Пекинский договоры о разграничении земель по Амуру, проведении границы и о взаимоотношениях двух государств. В 1860 г. был основан Владивосток. Россия окончательно закрепила за собой край, открытый и освоенный русскими людьми в XVII – XVIII вв., получила возможность приступить к последовательному расселению и развитию Приамурья и Приморья, к выстраиванию государственной системы управления восточными территориями, к расширению торгово-экономических и других контактов со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и укреплению безопасности своей территории.

Решение этих взаимосвязанных задач диктовало необходимость серьезного кадрового обеспечения, вызывало настоятельную и безотлагательную потребность в людях, практически хорошо знакомых с восточными языками: китайским, корейским, японским, монгольским и маньчжурским, а также с экономическими условиями и правовыми отношениями в этих государствах. В данной статье ставится задача раскрыть государственный подход к обеспечению специалистами-востоковедами политического курса России на её Тихоокеанском побережье. В основу статьи положены документы и материалы, раскрывающие процесс выработки государственного решения о создании во Владивостоке Восточного института, о первых результатах деятельности этого учебного заведения нового типа.

Интересы России требовали безошибочно определить наиболее рациональное местонахождение нового учебного заведения. Предложения поступали разные: г. Иркутск, Порт-Артур, г. Владивосток. Вместе с тем, по поводу целесообразности открытия Восточного института во Владивостоке высказывались серьезные сомнения, вызванные ограниченным количеством образовательных учреждений и низким культурным уровнем городского населения. В середине 1890-х гг. в городе действовали такие учебные заведения, как Александровские мореходные классы (16 учеников), Портовая школа морского ведомства (20 учащихся), классическая мужская гимназия (104 ученика), женская гимназия (124 учащихся), городское училище для мальчиков (112 учеников) и др. [1, с. 192-194]. В такой ситуации едва ли можно было рассчитывать, чтобы вновь учреждаемое высшее училище имело достаточное количество слушателей и необходимое количество профессоров и преподавателей. «По государственным соображениям, – утверждали представители данной точки зрения, – местоположением для упомянутого училища Владивосток не может быть признан удачным. Не нужно забывать, что с сооружением Китайско-Восточной железной дороги и Великого Сибирского пути названный город останется в стороне от главного торгового движения... Владивосток в качестве первоклассной крепости и стоянки для флота получит, по всей вероятно-

сти, в будущем характер исключительно военно-административного поселения» [6, л. 18].

Совершенно иных позиций придерживались руководители Министерства народного просвещения и, например, бывавший на Дальнем Востоке известный монголовед, профессор Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеев. Они считали, что «для такого учреждения как Восточный институт положительно невозможно даже и подыскать другого более подходящего пункта, как Владивосток. Находясь во Владивостоке, воспитанники института будут постоянно окружены представителями тех стран и народностей, языки и быт которых составят предмет их изучения» [7, л. 92]. Основанием для такого оптимистического вывода являлась, во-первых, тенденция увеличения численности населения Владивостока. Если в 1891 г. в нем проживало менее 8,5 тыс. чел., то в 1895 г. – уже более 21 тыс. чел., а в 1899 г. – почти 38 тыс. чел. [4, с. 361]. Иными словами за короткий отрезок времени численность населения города выросла в 4 с лишним раза.

Во-вторых, значительная доля среди проживающих здесь приходилась на китайцев, корейцев, японцев. В 1891 г. их было 56% от всего населения Владивостока, а в 1899 г. – 44,15% [подсчитано по данным: 4, с. 361]. Пожалуй, такого не наблюдалось ни в одном городе России.

«Говорят, – продолжал А.М. Позднеев, – что с проведением Китайско-Восточной ветви железнодорожного пути Владивосток останется в стороне от главного торгового движения, но это ... не уменьшает, а скорее возвышает его значение как институтского города. Суетливое движение жизни – плохой спутник для ученья, ибо наука зреет в тиши, а не в обильной сильными ощущениями сутолоке. [8, л. 92, 93, 93об.]. Он утверждал, что «инородческий материал никогда не уйдет от Владивостока. Не надо забывать, что этот город расположен всего лишь в двадцати верстах (верста – старая русская мера длины, равная 1,06 км) от границ Кореи, что в настоящую пору от него считается не более ста пятидесяти верст железнодорожного пути до Маньчжурии, столь же населенной китайцами, как и маньчжурскими племенами; что через одни сутки паровой езды отсюда можно быть в Японии... Словом, несомненно, что человек, желающий изучать Дальний Восток, решительно не может найти для себя другого лучшего пункта во всех пограничных русских владениях, помимо города Владивостока» [9, л. 92, 92об.]. Иркутск, считавшийся когда-то центром связей России со странами восточно-азиатского региона, к концу XIX в. утратил эти позиции, в том числе и в силу географического фактора, находясь на расстоянии 3,5–4 тыс. верст от Кореи и Японии.

В контексте кадрового обеспечения политического курса России на Тихоокеанском побережье важно учитывать несколько государственных шагов, которые сегодня могут показаться не столь масштабными и значительными. В то далёкое время всё выглядело иначе. Итак, согласно Высочайшему повелению от 16 ноября 1875 г. во Владивосток из Николаевска-на-Амуре была переведена прогимназия. Через 20 лет Министерство народного просвещения представило в Государственный Совет ходатайство о преобразовании Владивостокской прогимназии в Восточный институт с преподаванием в нём восточных языков. Пока готовился проект положения и штаты Восточного института, последовало Высочайшее повеление командировать в Китай для специальных занятий китайским языком нескольких человек, окончивших курс Императорского Санкт-Петербургского университета по факультету восточных языков.

В 1897 г. Министерство народного просвещения России подготовило один из первых проектов Положения о Восточном институте. В нем отмечалось, что «институт имеет целью доставлять воспитывающимся в нем общее среднее и специальное образование, предназначенное для удовлетворения местной потребности в лицах, теоретически и практически знакомых с языками соседних с Приамурским краем народов, а равно способствовать возможно широкому и разностороннему изучению областей, смежных с восточной окраиной Империи» [10, л. 7]. Структура института (иногда его называли училищем) включала подготовительный, общеобразовательный и три специальных класса.

Общеобразовательные классы, начиная с третьего класса, делились на два отделения – гимназическое и восточное. Интересно, что в восточном отделении, состоявшем из пяти классов, намечалось вести китайский язык вместо древних языков; все прочие предметы планировались в объёме гимназического курса, за исключением географии и английского языка, преподаваемых по более обширной программе.

Специальные классы также делились на китайско-корейско-японское и китайско-корейско-монгольское отделения. В них принимались в начале учебного года без испытаний в качестве интернов молодые люди, окончившие общеобразовательные классы.

Министр финансов России С.Ю. Витте самым внимательным образом изучил данный проект и 9 декабря 1897 г. обратился к министру народного просвещения: «... по моему мнению, открытие во Владивостоке с указанною целью особого института было бы весьма полезно лишь при том условии, что главнейшей его задачей было preparation лиц к торгово-промышленной деятельности на Дальнем Востоке и чтобы выбор предметов, характер их преподавания и время, уделяемое на каждый из них, были приурочены к достижению этой задачи» [11, л.3, Зоб.]. Планируемые к изучению курсы и

количество часов, выделяемых на их изучение, позволили С.Ю. Витте сделать вывод: в такой постановке институт «преследует главным образом общенаучные цели», «преподавания экономических наук в институте почти нет, если не считать двух лекций торговой географии; взамен их видное место отведено наукам историческим». С.Ю. Витте был обеспокоен: в проекте «предложено обязательное изучение трех восточных языков при чрезвычайной трудности каждого из них. Такое изучение неминуемо примет теоретический характер, важный для филолога, но не имеющий значения в практической деятельности» [12, л. 3, 3об.].

Красноречивым подтверждением этому служил восточный факультет Санкт-Петербургского университета, не дававший, по воспоминаниям его выпускников, «своим слушателям тех знаний, которые для пользы дела могли быть применены к практической деятельности» Лицо, окончившее факультет после четырехгодичного изучения китайского, маньчжурского, монгольского и калмыцкого языков, не говорило ни на одном из них и не умело написать на них двух-трех строк [13, л. 44].

Министр финансов России считал, что в курсе создаваемого заведения «следовало бы, например, на первом плане поставить преподавание общеэкономических знаний и в особенности возможно полное ознакомление учащихся с экономической жизнью государств Восточной Азии; юридические же науки, а тем более преподавание религий востока, должны занимать второстепенное место. Преподаванию местных языков надлежало бы придать вполне практический характер, чтобы оканчивающие курс могли свободно объясняться на этих языках. Для этого понадобилось бы сделать обязательным изучение только двух языков: китайского и одного из трех – японского, корейского или монгольского...» [14, л. 3, 3об.].

Таким образом, первый представленный проект нового учебного заведения во Владивостоке лишь частично отвечал государственным интересам России. Документ нуждался в серьезной доработке. С.Ю. Витте заключил: «Затрудняясь поэтому согласиться с предложениями Министерства народного просвещения, я полагаю бы необходимым, в виду сложности вопроса о надлежащей постановке курса проектируемого института, образовать особую комиссию из представителей Министерства народного просвещения и Министерства финансов вместе со специалистами из профессоров восточного и других факультетов с поручением ей обсуждения данного вопроса, а равно выяснения по самым тщательным расчетам цифры предстоящих казне расходов по содержанию и обзаведению вновь открываемого института» [15].

Такая авторитетная комиссия была создана. Она оставила институту название Восточный и определила, что он будет состоять, в отличие от первоначального проекта, только из высших классов без подготовительного, гимназического отделения. Комиссия совершенно по-новому представила учебную программу института. Апрельское (1898 г.) Положение о Восточном институте содержало новую формулировку цели вуза: «доставлять учащимся при нем специальное образование, подготовляющее для службы при административных и торгово-промышленных учреждениях на Дальнем Востоке и в прилегающих к нему государствах» [16, л. 28]. В окончательной редакции (1899 г.) этот пункт гласил: «Восточный институт есть высшее учебное заведение, имеющее целью готовить учащихся в нём лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих к ней государств» [1, с. 62].

Определяя численность студентов, комиссия справедливо учитывала, что установление большого числа слушателей может неблагоприятно повлиять на успешность преподавания, и посчитала возможным ограничить количество учащихся на первом курсе до 60 чел. Особое внимание было обращено на оплату труда профессорско-преподавательского состава и сотрудников. Оклады содержания в Восточном институте предусматривались выше, чем оклады соответствующих должностных лиц в университетах России. Обосновывая данное положение, комиссия, в частности, указывала, что «жизнь во Владивостоке ... чрезвычайно дорога». Комиссия, внимательно выслушав и обсудив разные точки зрения об образовательном цензе директора Восточного института, пришла к выводу: директор должен иметь ученую степень и желательно, чтобы он читал лекции по одному из предметов курса, «так как этой мерой ... усиливается нравственное влияние директора на профессоров через близкое соприкосновение с ним. Преподавая сам один из предметов, директор лучше может судить о результатах, достигнутых другими преподавателями» [17, л. 31, 31об., 33об.].

Комиссия закладывала в разрабатываемые документы позиции, направленные на создание оптимальных условий труда для профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного составов и студентов. К примеру, учитывая, что одновременное изучение двух европейских языков (английского и французского) с усиленным освоением восточных языков «слишком трудно и едва ли даст хорошие результаты», а, с другой стороны, «английский, безусловно, более необходим на Востоке, без французского можно будет обойтись», комиссия вынесла решение: «сделать обязательным изучение английского языка, а изучение французского языка предоставить добровольному желанию слушателей института» [18, л. 27].

Взвешенно подошли также к определению стоимости обучения. Когда один из членов комиссии высказал мнение об установлении платы в размере 100 руб. в год, то прозвучал контраргумент: «плата в 100 руб. слишком высока, так как в первое время в институте будет ощущаться скорее недостаток в студентах, чем переполнение ими, ... высокая плата будет лишь удерживать многих от поступления в институт». В конечном итоге комиссия изложила данный параграф Положения следующим образом: «Плата за обучение в институте взимается со студентов в количестве 25 руб. за полугодие, а с посторонних слушателей по 5 руб. за каждый предмет с тем, чтобы общая сумма платы за обучение с посторонних слушателей не превышала 25 руб. за полугодие. Эта плата вносится за полгода вперед: за первую половину гражданского года – не позднее 1 марта, а за вторую – не позднее 1 октября. Внешенная плата ни в каком случае не возвращается» [1, с. 65].

После обсуждения Положения в Государственном Совете данное положение звучало в следующей редакции: «С каждого студента и постороннего слушателя взимается плата, размер которой определяется и изменяется министром народного просвещения по представлению Конференции института», «плата, взимаемая со студентов и посторонних слушателей, равно как могущие быть пожертвования, поступают в специальные средства института и составляют его собственность» [3, с. 12]. Известно, что практика привнесла некоторые изменения и дополнения в размер оплаты за обучение.

Диапазон мнений относительно создания Восточного института был широким. По мнению представителей негативной точки зрения в программу Восточного института введены, кроме восточных языков, политэкономия, международное право, основы гражданского права, обзор государственного устройства России и главнейших европейских держав, обзор политического устройства и религиозного быта Китая, Кореи и Японии, а еще – счетоводство, товароведение, коммерческая география Восточной Азии, история торговли Дальнего Востока и др. Таким образом, «в одном вузе с четырехлетним курсом объединены задачи, составляющие предмет трех различных типов школ: университетов, коммерческих училищ и специальных курсов восточных языков. Нельзя не опасаться, – заявляли противники данного проекта, – что подобное осложнение учебной программы ... сделает совершенно невозможным достижение им практических результатов. ... Очевидно, что молодые люди со средним образованием, посвятив изучению названных наук столь незначительное время, не сделаются практически пригодными административными или коммерческими деятелями. В лучшем случае они успеют схватить лишь одни верхи, сделаются полужайками, то есть самыми вредными для дела людьми» [19, л. 17, 18].

А.М. Позднеев, активно участвовавший в разработке обсуждаемых документов, вынужден был подготовить специальную записку как ответ противникам создания Восточного института. Как опытный ученый-востоковед и как профессор ведущего вуза России, он доказательно, весомо объяснил целесообразность выстраивания учебного процесса по четырем отдельным и самостоятельным курсам, предназначенным для комплексного ознакомления студентов института с Дальним Востоком [20, л. 89].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. вопрос о кадровом обеспечении политического курса Российской империи на Дальнем Востоке получил конкретное воплощение в лице Восточного института. На подготовку нескольких проектов этого учебного заведения, их обсуждение и создание итоговых документов государственного уровня ушло почти четыре года. Стремительное развитие политических событий в Азиатско-Тихоокеанском регионе, изменение международной ситуации ускорило открытие вуза. По мнению специалистов, в этом деле нельзя было упускать «не только ни одного лишнего месяца, а даже и одного дня» [21, л. 93]. Первоначально предполагалось открыть институт в 1904–1905 уч. г. Открыли его на пять лет раньше, несмотря на неготовность учебного корпуса, нерешённость ряда других вопросов. Разразившаяся в начале XX столетия русско-японская война подтвердила правильность данного государственного подхода. Уже в первые дни тяжелого испытания институт не только заявил «о готовности принести свои знания, свои молодые силы на алтарь великого служения Царю и Отечеству», но и направил людей в действующую армию и флот. Из 125 студентов, офицеров-слушателей и вольнослушателей, учившихся в Восточном институте, в январе 1904 г. немедленно в свои части выехали 34 офицера-слушателя; в распоряжение воинских частей был направлен весь выпуск IV курса [2]. Показательно то, что студенты пошли в армию и на флот, не будучи к тому времени связаны воинской повинностью. Они руководствовались сознанием своего нравственного долга перед Отечеством. В ходе военных действий и в тылу потребности в переводчиках корейского, китайского и японского языков оставались большими, поэтому в течение 1904 г. в воинские подразделения были откомандированы студенты и слушатели третьего и даже второго курсов. Для сравнения, восточный факультет Санкт-Петербургского университета не смог отправить на Дальний Восток из числа студентов ни одного переводчика восточных языков.

Молодые люди, изучившие лишь часть учебных дисциплин в Восточном институте, попали в самое пекло – на войну. По официальным отзывам, поступившим от военного командования [3, с.

167], все они успешно справились с возложенными на них задачами, прежде всего по устному и письменному переводу.

Состав учащихся в Восточном институте включал студентов, офицеров из Приамурского военного округа и Квантунской области и посторонних слушателей. В течение первого десятилетия деятельности дальневосточного вуза наблюдалась устойчивая тенденция увеличения контингента учащихся. Так, если в первый 1899–1900 уч. г. число студентов, офицеров-слушателей и посторонних слушателей составило 35 чел., то через десять лет в нем учились 182 чел. [5, с. XXXV].

За это же время Восточный институт окончили 85 чел., в том числе с отличными успехами – 45 чел. (30 студентов и 15 офицеров). Наибольшее количество выпускников пришлось на китайско-маньчжурское отделение – 35 чел. Китайско-монгольское окончили 17 чел., японо-китайское – 19 чел., а корейско-китайское – 13 чел. Еще один человек закончил китайское отделение без изучения других специальных языков [5, л. XXX].

Местом службы выпускников Восточного института стали многие организации и учреждения России и азиатского зарубежья. Кто-то, как, например, П.Г. Васкевич, поступили работать в генеральное консульство России в Сеуле или, как В.Ф. Лебедев, – в генеральное консульство России в Тайроне, а В.П. Грищенко – в центральное управление Министерства финансов России. Во Владивостоке, Харбинском, Пекинском и других отделениях Русско-китайского банка служили К.И. Дмитриев, Н.В. Жижин, Л.К. Керр, Д.Я. Рахинский, Я.Г. Шустов и др.; М.К. Алексеев возглавил русскую почтовую контору в Пекине; на преподавательском поприще трудились Т.И. Дуля (в Санкт-Петербургском университете преподавал японский язык), П.В. Шкуркин, Н.К. Новиков, Г.А. Софоклов, И.Н. Таланцев и другие вели занятия в учебных заведениях г. Гирина, г. Харбина, г. Ханькоу, г. Цицикара соответственно; в Восточном институте во Владивостоке для подготовки к профессорскому званию работали В.М. Мендрин, А.В. Гребенщиков. П.К. Гольденштедт. Значительная часть выпускников института пошла по военной линии, попала в аппарат Приамурского генерал-губернатора и в различные структуры Китайско-Восточной железной дороги, в таможенные органы.

Восточный институт, благодаря молодому, сильному, стабильному профессорскому и преподавательскому составу в лице директора А.М. Позднеева, А.В. Рудакова, Г.В. Подставина, Е.Г. Спальвина, Н.И. Кохановского, П.П. Шмидта, Г.Ц. Цыбикова, Н.В. Кюнера, В.И. Зазерского, Н.И. Дмитриева, стал российским центром научного изучения стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Они подготовили и издали множество научных и учебных трудов по Японии, Китаю, Корее.

Преподаватели, студенты и выпускники Восточного института, откликаясь на нужды России и просьбы Приамурского генерал-губернаторства, внесли солидный вклад в обеспечение политического курса России на рубеже XIX – XX вв. в развитие экономических, социально-политических и культурных связей Российской империи с Японией, Китаем, Кореей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Владивосток: сборник исторических документов. 1860–1907 гг. Владивосток, 1960.
2. *Еланцева О.П.* Во славу Отечества // URL: <http://ini-fb.dvgu.ru/scripts/refget.php?ref=63/63.3/elantseva75.pdf>. (дата обращения 11 марта 2012 г.)
3. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 гг.: 2-е изд., испр. Владивосток, 2004.
4. *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2005.
5. Справочная книжка по Восточному институту в г. Владивостоке. Владивосток, 1909.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА), г. Санкт-Петербург. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1164.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 91.
8. Там же.
9. Там же.
10. РГИА. Ф. 740. Оп. 44. Д. 57.
11. Там же.
12. Там же.
13. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 813.
14. РГИА. Ф. 740. Оп. 44. Д. 57.
15. Там же.
16. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 813.
17. РГИА. Ф. 740. Оп. 44. Д. 57.
18. Там же.
19. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 1164.
20. РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 90.
21. РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 91.